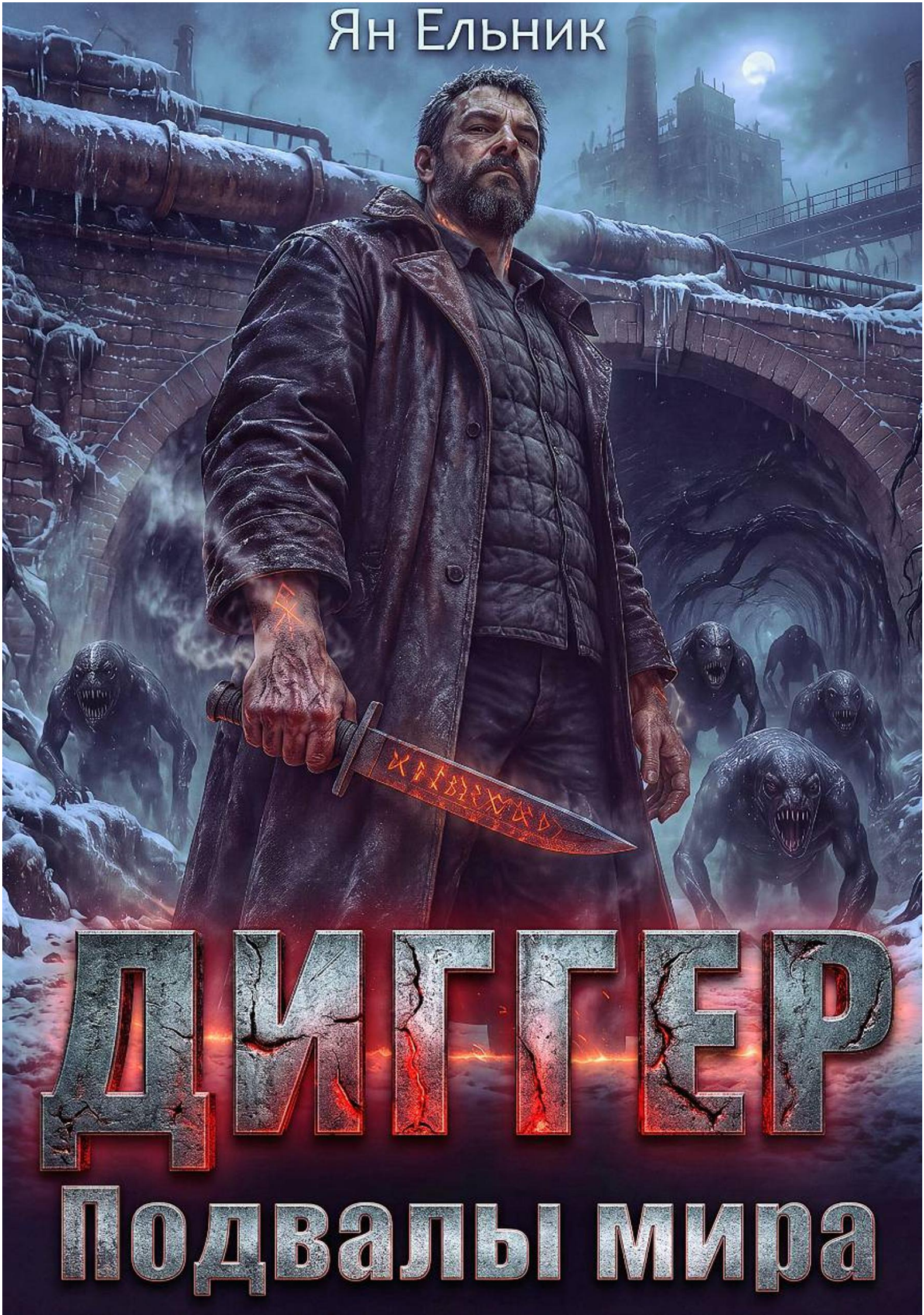
Ян Ельник

ДИГГЕР

Подвалы мира

Ян Ельник

Диггер. Подвалы мира

«Автор»
2026

Ельник Я.

Диггер. Подвалы мира / Я. Ельник — «Автор», 2026

В родном мире он вычищал из подземелий прорвавшуюся нечисть. В уральском Старогорске у него нет ни документов, ни прошлого. Местные зовут его Диггером и считают безобидным контуженным бродягой из теплотрассы, который в любую стужу ходит без шапки и рукавиц, а снег вокруг него тает сам собой.Шесть лет назад он шагнул сюда за самым опасным беглецом из темницы Ордена. Шагнул в мир, где магию намертво перекрыли три тысячи лет назад, и застрял без дороги назад.Шесть зим тварь тихо спала под закрытым советским заводом, пока декабрьской ночью наверху не устроили кровавую разборку две местные банды. Зверь проснулся. Вот только силы самого охотника за эти годы почти иссякли, и в лоб такую падаль уже не взять. До крещенских морозов осталось сорок дней, а единственным напарником в охоте оказывается пьющий заводской инженер, который всю жизнь принимал видимую с похмелья чернь за белую горячку.

© Ельник Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 12
Глава 3 15
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Ян Ельник
Диггер. Подвалы мира

Пролог

Тропический ливень наверху вторые сутки лупил по расколотым плитам старого храма. Мутная тёплая вода сочилась сквозь швы свода, стекала по зелёному от тины ракушечнику и стояла в подземелье по щиколотку.

В висках у Олгара неприятно ломило. Острова Ильмарры насквозь пропитались местным колдовством, и от этой густой чужой силы у пришельца с непривычки ныли зубы и сводило скулы.

А в дальнем углу затопленного склепа висел пятачок полной тишины.

Одиннадцатый беглец из Колодца, которого звали Пустотником, забился за поваленную колонну. Свет масляной плошки у входа туда не доставал. Вокруг этой твари гасло не только любое заклинание, но и самый обычный звук.

Стоило сделать шаг к обломкам камня, как плеск воды под сапогами пропадал, уши закладывало плотной ватой, а воздух делался вязким.

Три дня назад эта падаль выпила до дна двух здешних береговых магов, вздумавших накрыть её боевыми плетениями. Для демона Высшего круга, который только чужим волшебством и кормится, их удары стали просто сытным ужином.

Олгар колдуном не был. В собственном братстве таких, как он, звали роющими, а если перевести это старое горняцкое слово на более привычный лад, то диггерами. Они не плели кружева из заклятий, а просто спускались в самые грязные подвалы мироздания и вычищали оттуда прорвавшуюся нечисть.

За пять шагов до поваленной колонны охотник остановился, расстегнул на груди просоленный за время морской переправы кожаный плащ и заткнул его длинные мокрые полы сзади за поясной ремень, чтобы не путались в воде под ногами.

Обычно вокруг него на два хороших шага держался круг жара от Горна. Этот живой незапечатанный огонь двадцать лет назад разожгли в его груди при посвящении, когда из десяти новобранцев на ногах остался он один.

Пока внутренний очаг горел ярко, любая мелкая дрянь и свободная Накипь выгорали на подходе, даже не успев коснуться кожи. Хлопья чёрной накипной плесени, наросшие поверх сырой тины у входа в склеп, с тихим треском свернулись и осыпались в мутную воду серой золой ещё в ту минуту, когда Олгар вошёл под своды.

Но в драке с Пустотником этот жар работал против самого стража, потому что любая выпущенная наружу искра магии лишь прибавляла зверю сил.

Олгар глубоко вздохнул и мысленно прикрыл заслонку внутри груди. Он прижал собственное пламя к самым рёбрам, оставив лишь крохотный тлеющий уголёк, чтобы сердце продолжало гонять кровь по жилам.

Знаки под старыми шрамами на спине и предплечьях сразу остыли. Под мокрой рубахой пробрал холод, а на плечи и поясницу навалилась копившаяся за четыре года погони тяжесть.

Без огня он ничем не отличался от того девятнадцатилетнего парня из рудников Каррада, каким был до гибели своей первой артели и прихода в Орден. В воде стоял просто очень крупный, жилистый мужик с разбитыми костяшками рук.

В правой ладони он сжимал обычное рабочее кайло на длинном ясеневом топорище, подобранное накануне в заброшенной каменоломне острова.

— Вылезай, — негромко позвал Олгар, перехватывая мокрое древко поудобнее. — Жрать тут больше нечего. Светильник пустой.

Собственный голос прозвучал приглушенно и тускло, как через толстое одеяло. Едва стих последний звук, из-за колонны без единого шороха выплыл плоский безликий силуэт, похожий на кусок чёрного войлока.

За сутки осады тварь поняла, что дарового огня от охотника не дождётся, а ждать дальше в пустом каменном мешке значило совсем ослабеть от голода.

Пустотник метнулся вперёд без замаха. Уворачиваться на мыльном от тины ракушечнике Олгар даже не пытался, понимая, что в потёмках демон всё равно окажется проворнее.

Он намеренно принял первый косой выпад на левое плечо в толстой куртке из дублёной шкуры, коротким толчком корпуса сбил тварь с шага и с полуоборота всадил четырёхгранный стальной клевец кайла туда, где у тени сходились ключицы.

Железо вошло туго и вязко и силуэт отшвырнуло на мокрую кладку. Одновременно левое плечо Олгара обожгло ледяной болью. Когти твари пропороли промасленную кожу куртки, достали до мяса и оставили в ране жгучий холод пустоты, жадно шаря по жилам в поисках запрятанного Горна, но натыкаясь только на обычную человеческую кровь.

Не давая Пустотнику собраться и стечь по стене в воду, Олгар шагнул следом. Он загнал демона в узкую щель между каменной гробницей и несущей опорой и принялся работать кайлом и кулаками.

Бил коротко, зло и размеренно, по старой шахтёрской привычке, которую годами вбивал в него покойный Хальвар. Удар древком под сгиб колена, перехват, тычок плоским бойком в грудину, а потом навалиться всем весом и придавить левым коленом к щербатому полу под мутной водой.

Тварь выгибалась под ним, пыталась достать пальцами до глаз, искала в его груди хотя бы каплю открытой магии, чтобы напиться и сбросить человека со своей шеи.

А в охотнике сейчас оставались только солёный пот на губах, текущая по левому рукаву тёплая кровь да злое упрямство рудокопа.

У каждого из сбежавших узников имелась своя заноза и своё единственное условие, без которого их не брала печать. Эту падаль нужно было просто выморить голодом и забить врукопашную, не зажигая ни единой искры.

Когда чёрный силуэт под водой перестал дёргаться и пошёл рваными серыми трещинами, Олгар разжал пальцы правой руки, роняя кайло на камни, и выдернул из ножен у пояса Вешку.

Ладонь привычно легла на выемки потёртой костяной рукояти ножа, доставшегося ему от учителя. До этой минуты знаки на тёмном металле лезвия оставались слепыми и холодными, ведь полную сил тварь они бы не удержали. Теперь, когда демон выдохся без чужого колдовства и ослаб до предела, прорезанные в стали борозды сами налились тусклым багровым светом.

Короткий удар сверху вниз вогнал клинок по самую крестовину в середину расплывающейся под водой тени.

Внутри металла что-то туго щёлкнуло, запирая добычу на замок, и следом сработала тяга.

Запечатанный демон сам потянул клинок к себе домой, на дно своей темницы. Вокруг правой кисти Олгара, сжимавшей рукоять, воздух завертелся серой воронкой. Такой проход всегда открывался ровно на одного человека и держался лишь несколько мгновений, пока нож не уйдёт за грань.

Закон у роющих был выучен с первого года службы. Если хочешь вернуться в Колодец со своей добычей, просто держись за рукоять, и клинок сам вынесет тебя без всякой платы. Если нужно остаться на месте и сохранить нож при себе, придётся сопротивляться тяге и непрерывно жечь свой Горн, пока воронка не схлопнется. А если сил в груди не осталось и уходить нельзя, достаточно разжать ладонь и отпустить Вешку одну, это тоже ничего не стоит.

Оставаться на дождливых островах было незачем. Олгар покрепче перехватил ребристую кость рукояти и позволил рывку выдернуть себя из тёплой воды склепа.

Прелый запах тины и шум ливня оборвались разом, будто над головой захлопнулась тяжёлая шахтная ляда.

Вокруг раскинулось Междумирье, та самая изнанка мироздания, которую сами роющие без всякого почтения звали подвалами мира.

Здесь не существовало ни неба, ни солнца, ни привычного верха и низа. Чёрные базальтовые галереи уходили в бездонную темень и переплетались между собой, как старые выработки заброшенного рудника, а время текло лениво, примерно в двадцать раз медленнее, чем в живых краях.

Освещали эти переходы только бледно-зелёные ядовитые разводы Накипи на сводах. Веками этот осадок из человеческого страха, боли, злобы, вины и невыплаченных долгов просачивался сквозь стены миров, копился в трещинах камня и рождал в темноте новых тварей.

Подошвы сапог тяжело стукнули о каменный настил верхнего яруса Колодца.

Здесь порода держала ноги крепко. Посередине круглого зала зиял широкий провал, уходящий на двенадцать ярусов вглубь. Окружавший шахту барьер из чёрного базальта до сих пор хранил следы недавнего прорыва. Три толстых звена удерживающей цепи валялись на полу вывороченными вместе с кусками камня, а на плитах темнело широкое бурое пятно, которое никто не стал оттирать.

На этом самом пятне четыре года назад по счёту внешних миров, а здесь, в подвалах, меньше трёх месяцев назад, стоял на своей вахте Хальвар. Он пытался в одиночку удержать разом открывшиеся двенадцать ярусов и погиб.

Совет Хранителей, не найдя у провала никого другого, списал измену на мёртвого наставника, которому при переходе на покой только недавно выдали новый клинок.

Олгару, носившему прежнюю учительскую Вешку, приказали зачищать прорыв в одиночку и без всякой подмоги. Условие поставили простое. Вернёшь всех двенадцать беглецов в клетки и тогда смоешь грязь с имени мастера.

Едва ступив на край помоста, Олгар ноздрями поймал в холодном воздухе зала тонкую, едкую струйку запаха. Из боковой галереи, уходящей от Колодца к перекрёстку троп, вместе с духом прелого зерна тянуло золой и полной, выжженной до дна пустотой.

Ни одной живой магической искры за тем проломом не чувствовалось, а во всём мироздании имелось только одно такое место. Два часа назад по здешнему счёту, когда он сдал десятого узника и уходил по этому самому коридору на тропы, стены там были ещё целыми.

У разбитого барьера, опираясь на длинный железный посох, дежурил старший Хранитель Торвальд, ссохшийся старик с выжженными добела бровями, который сам когда-то отходил по тропам четыре десятка лет. Поодаль, в тени массивных опор, полукругом стояли ещё трое Хранителей в длинных тёмных плащах.

Стоявшим у самого провала стражам тяжёлый смрад двенадцати ярусов темницы перебивал всё остальное, а вот Олгар у входа в галерею сразу выделил знакомую гнильцу.

Подойдя к каменному борту шахты и всё ещё глубоко дыша после схватки в воде, Олгар протянул Вешку рукоятью вперёд. Багровые знаки на металле часто наливались светом, удерживая внутри бьющуюся тень Пустотника.

Торвальд принял клинок, опустил его остриём в узкую щель барьера и повернул запорное кольцо. Камень под подошвами коротко вздрогнул, когда пленник провалился на свой седьмой ярус, а лезвие снова сделалось чистым и тёмным.

Освободившейся ладонью Олгар по привычке прижал рану на левом плече, сквозь распоротую куртку пропитав пальцы горячей кровью, и поднял глаза от плит. У дальней опоры в глубине зала он перехватил взгляд одного из троих Хранителей.

Через левый висок к скуле у того человека тянулся старый белесый рубец. Хранитель смотрел на Олгара не моргая, холодно и придирчиво, прикидывая на глаз, сколько ещё вёрст протянет надорвавшийся в упряжке мул. Именно этот человек громче всех на Совете требовал заклеймить Хальвара пособником побега и гнать его ученика по следам без передышки.

Олгар отвернулся первым, приняв эту тяжёлую приглядку за обычное высокомерие старейшин перед выучеником опального мастера.

— Одиннадцать, — негромко сказал Торвальд, возвращая Олгару потемневший клинок Хальвара. — Быстро роешь, сын Бора. Но Горн в тебе просел до углей. Пережди смену у камня.

— Не могу, — Олгар вытер окровавленную ладонь о заткнутую за пояс мокрую полу плаща, принял Вешку и убрал её в ножны. — Двенадцатый не ждал, пока я буду спать. Он ждал, пока я выдохнусь на этих одиннадцати.

— Куда прыгнул Первородный?

— За глухую крышку. В мир, который вы закрыли три тысячи лет назад.

Торвальд сдвинул седые брови, а тот, со шрамом у виска в глубине галереи, чуть подался вперёд, вслушиваясь в каждое слово.

— Туда нет хода по тропам, Олгар, — медленно произнёс Хранитель у барьера. — И магии там нет, одна ржавчина да пепел. Спустишься с пустым Горном, и обратно Вешка тебя не вытянет, пока не возьмёшь зверя. А там ты никто.

— Там его и возьму, — ответил Олгар.

Ждать чужих уговоров он не стал. Развернулся и быстро зашагал с помоста в ту самую боковую галерею, откуда тянуло прелым пеплом. За первым же поворотом коридора в базальтовой стене ещё курился узкий, оплавленный по краям след двенадцатого беглеца, старейшего и самого опасного из всех, кого держали цепи Колодца.

Пока охотник четыре года мотался по внешним краям, вылавливая одиннадцать приманок, Сеятель отсиживался в отнорках Междумирья, терпеливо выжидая час, когда страж растратит свой огонь, а потом нырнул туда, где сила преследователя должна была погаснуть сама собой.

Перед змеящейся в камне расщелиной Олгар выдернул из-за пояса тяжёлые полы плаща, запахнул их на раненом плече, коснулся пальцами правой руки костяной рукояти учительского ножа и шагнул в след.

От резкого рывка перехватило дыхание. Вместо привычного упругого потока Междумирья Олгара ударил по лёгким ледяной, пахнущий угольным дымом и мокрым железом воздух, а пламя в груди с тихим шипением сжалось в крохотную точку.

Глава 1

В восьмом часу утра декабрьские сумерки над Старогорском едва начали редеть, сменяя ночную черноту на мутную хмарь. С городской теплоцентрали низким ветром тянуло угольный дым, а на ржавых фермах завода «Уралмехдеталь», закрытого ещё в девяносто восьмом году, с хриплым карканьем рассаживались вороны. За бетонным забором с остатками колючей проволоки темнели провалившиеся крыши старого административного корпуса и третьего механосборочного цеха.

— Эй! Борисыч, вставай, уши отморозишь! — седой патлатый старик в потёртом овчинном тулупе советских времён остервенело тряс за плечо спящего товарища.

— Кочан, отвянь. Ща в глаз дам, — человек, лежавший на промёрзшем заснеженном асфальте у кирпичного устоя эстакады, небрежно отмахнулся тяжёлой рукой.

— Ну ты чо? Ё-моё! Совсем ум отморозил? На улице минус двадцать. Вставай, говорю! — Кочан, а по паспорту, оставшемуся в прошлой жизни, Степан Фёдорович Кочанов, продолжал приплясывать в стоптанных валенках над своим другом.

Тот лишь недовольно промычал в ответ и снова отмахнулся, как от назойливого комара, мешавшего досматривать сон. Спал он в своём неизменном тёмно-сером ватнике под распахнутым потёртым кожаным плащом и без всякой шапки, подложив под щеку свёрнутый брезентовый мешок со старыми газетами. Вокруг его тела на два хороших шага снег на асфальте подтаял ровным кругом и взялся ноздреватой ледяной коркой.

Степан растерянно всплеснул рукавицами, посмотрел на старые отцовские «Командирские» с треснувшим пластиковым стеклом, которые показывали без десяти восемь, и обречённо вздохнул. Отойдя к заснеженному устою, он присел, привалившись спиной к грязной кирпичной стене. В свои шестьдесят восемь лет стужу он переносил паршиво, а со вчерашнего вечера во рту стоял кислый привкус перегара и била мелкая, противная дрожь.

— Слышь, Борисыч. Я, конечно, всё понимаю, ты любишь спать где попало, но сейчас же не май месяц. Если тебе ухи не жалко, пальцы хоть пожалей. Как же ты без них? — Кочан снова попытался достучаться до своего единственного товарища, но в ответ опять услышал лишь невнятное бурчание.

Странный, конечно, у него был друг. Пять лет как знакомы, а понять его натуру до конца так и не удалось. Вечно угрюмый и чаще всего молчаливый, со своим жёстким северным выговором, Борисыч водку в рот не брал, зато каждую ночь лазил по самым гиблым подвалам, ливневым стокам и заброшенным демидовским выработкам под заводом.

Степан Фёдорович по старой инженерной привычке не без оснований подозревал напарника в том, что тот ищет под закрытыми цехами старый купеческий клад или списанную заводскую платину, о чём однажды напрямик и спросил. В ответ получил только короткую молчаливую усмешку, так и не поняв, угадал он или нет.

В сторону полуоткрытого люка теплотрассы за углом эстакады Кочан старался лишний раз не коситься, но взгляд с похмелья сам собой цеплялся за чугунный обод. Там, откуда Борисыч вылез час назад после ночной вылазки, по бетонному кольцу до сих пор расползались подпалённые чёрные хлопья, похожие на ошмётки жирного горелого мазута, которые на глазах осыпались вонючей серой золой.

Заикаться об этой чертовщине вслух старик зарёкся ещё в девяносто девятом году, когда погиб его Серёжка и после рассказов про живую копоть за печкой Степана Фёдоровича на месяц упекли в палату с решётками. На трезвую голову он видел в потёмках только мутную рябь, а с похмелья вся эта дрянь вылезала во всех подробностях, так что лучше было помалкивать.

Посидев ещё немного у стены, старик задумчиво посмотрел на спящего, стащил с правой руки рукавицу, сунул её за поясной провод и, опустившись перед товарищем на четвереньки, потрогал его раскрытую кисть.

Большие натруженные ладони Бродяги со сбитыми костяшками и старыми светлыми шрамами у запястий и не думали замерзать. Наоборот, они пыхали таким печным жаром, что в самый крепкий мороз от кожи поднимался тонкий парок. Судя по этим рукам и покатым плечам, человек когда-то занимался тяжёлым шахтёрским трудом и даже за годы бродячей жизни не растерял своей медвежьей силы.

Олег Борисыч по кличке Диггер, или просто Бродяга, хоть и отличался странностями, зато был надёжным другом и защитником. За последние пять лет Кочана ни разу пальцем не тронули, а раньше и недели не проходило, чтобы его кто-нибудь у приёмки не отметелил.

— Ну вот, у тебя температура! Говорил же, простудишься, — по-своему оценил состояние напарника Степан.

— Вот же приставучий! Кочан, у тебя зубы лишние? — заспанным, осипшим голосом проскрежетал любитель поваляться на снегу, приоткрывая один тёмный глаз.

— Тю, нашёл чем пугать! У меня уже лет десять как зубов нет, одни пеньки. Вставай давай, сейчас медяшку из-под люка сдадим и пошли в «Берлогу». Там выспишься, — Степан подал товарищу руку и, несмотря на возраст, изо всех сил потянул на себя, помогая подняться.

Борисыч спорить не стал. Видать, смекнул, что старик, как верный пёс, будет торчать рядом до посинения и наверняка схватит воспаление лёгких. А болеть при их жизни было непозволительной роскошью, ведь ни денег на лекарства, ни документов для больницы у Кочана давно не водилось. Это Олег мог часами валяться на мёрзлой земле после очередной вылазки и вставать без единого чиха, а обычному человеку такое бы даром не прошло.

Только подняться спокойно им не дали. Со стороны железнодорожной насыпи по мёрзлому шлаку заскрипели чужие шаги, и из-за бетонного короба трассы вышли двое местных шакалов с нижней слободки в засаленных пятнистых бушлатах и с прутами рифлёной арматуры в руках.

Старший, рябой детина с перебитой губой, окинул взглядом крепкие кожаные берцы Олега, который как раз отряхивал от снега свой брезентовый мешок, и сплюнул на тропу.

— Слышь, дед, отойди, не твоя территория, — буркнул рябой, когда встревоженный Кочан торопливо шагнул вперёд, заслоняя товарища. — Мужик в хороших берцах...

— Ребята, да вы чего, это ж Борисыч, которого у люков Диггером прозвали, — зачастил Кочан, пятясь на полшага, но с тропинки не уходя. — У него и взять-то нечего, кроме газет вчерашних да ножа сапожного…

Асфальт за спиной старика коротко скрипнул. Олег шагнул к плечу Кочана, расправив широкую грудь в расстёгнутом у ворота ватнике. Он был на полголовы выше рябого и смотрел на обоих спокойно и тяжело, без тени недавней сонной одури.

— Уйдите, — ровно сказал он. — Железо в другом месте лежит.

— А ты кто такой, чтоб указывать? — огрызнулся рябой уже без прежнего нахрапа, косясь на парящие на морозе кулаки бородача.

— Тот, кто вас трогать не хочет. Пока что.

Молодой сборщик первым опустил арматуру к ноге и дёрнул старшего за рукав, бормоча, что связываться с этим контуженным из коллектора себе дороже. Через полминуты оба шакала уже торопливо шагали прочь вдоль насыпи к товарной станции.

Кочан шумно перевёл дух, натянул рукавицу обратно и покосился на поваленную бетонную плиту заводского забора в тридцати шагах от эстакады, куда после ухода грабителей почему-то повернулся Борисыч.

— И какого чёрта тебя вообще понесло к этому заброшенному заводу? — проворчал старик, с опаской озираясь по сторонам. Не нравилось ему это гиблое место. — Тут ещё в

девяностых всё растащили, даже ни одного захудалого кабеля не откопать. Мужики вчера у ларьков рассказывали, что тут люди пропадать начали. Совсем недавно, говорят, ночью были разборки у двух бригад. Так они по дурости решили выяснить, кто кому должен бабки, на территории этого завода. С виду место для таких дел самое подходящее, вдали от жилых кварталов и лишних глаз. Так вот, болтают, будто никто с тех разборок не вернулся, человек двадцать как сквозь землю провалились.

Кочан замолчал и нервно облизнул потрескавшиеся на морозе губы. Порывистый ветер завывал в выбитых окнах третьего цеха и старого административного корпуса, разнося по пустому двору ледяную крупу.

Диггер вдруг замер на полушаге. Ноздри его широко раздулись, жадно улавливая в морозном сквозняке какой-то незримый для старика дух. Правая ладонь со старыми шрамами у запястья сама собой скользнула под распахнутый плащ и полу ватника к поясу, плотно ложась на костяную рукоять длинного тяжёлого ножа, у крестовины которого в тусклом утреннем свете темнели странные угловатые знаки.

— Ты слышал? — голос Бродяги сделался низким.

Степан напрягся, вслушиваясь в утренние сумерки.

Где-то в глубине разрушенного заводского корпуса за забором протяжно заскрежетали ржавые вентиляционные короба. Это не походило на обычный скрип кровельного железа под ветром. Звук был такой, словно внутри промёрзшей трубы протащилось что-то грузное, длинное и гибкое, сминающее металл изнутри.

— Да ну, это крысы… — начал было Кочан, но Диггер резким жестом поднятой руки оборвал его на полуслове.

Глава 2

Ранние декабрьские сумерки опустились на Старогорск к четырём часам дня, затянув промзону сизой морозной дымкой. У поваленной бетонной секции заводского забора, откуда утром принесло тревожный сквозняк, теперь мигали синими огнями два полицейских «бобика».

Утром, едва в промёрзшем корпусе за оградой стих скрежет вентиляционных коробов, с противоположной стороны завода, у старого переезда, послышались крики обходчиков.

Рабочие наткнулись у дальних въездных ворот на брошенный внедорожник с выбитыми стёклами, бурыми пятнами на истоптанном снегу и россыпью автоматных гильз, ведущей в распахнутый створ третьего цеха.

Через четверть часа к пустырю с воем сирен промчались дежурные машины, поэтому лезть через забор при свете дня на глазах у людей Олгар не стал. Вместе со Степаном они забрали из-под люка припрятанную медь, сдали её приёмщику, и до самых сумерек охотник наблюдал за оцеплением издали.

Самих тел полицейские наверху так и не обнаружили, хотя до темноты обшаривали первый этаж корпуса с фонарями и натягивали вдоль заднего забора полосатую ленту. Зато у пивных ларьков за товарной станцией подвыпившие мужики уже в голос судачили, что ночью на заброшке не поделили давний долг две городские бригады и положили друг дружку чуть ли не в двадцать стволов, а покойников потом сами же и увезли в багажниках.

Олгар слушал эту быструю уличную болтовню вполуха, стоя в тени за углом кирпичной будки стрелочного поста. За шесть лет на Земле он вполне сносно выучил местную речь. Первую зиму запоминал чужие слова на слух у вокзальных костров и на ночной разгрузке товарных вагонов, потом по слогам разбирал газеты, которыми Степан с Лёвой растапливали печку в теплоузле.

Выговор у него всё равно остался жёстким и рубленым, как у всех уроженцев каменистого Каррада, поэтому в длинные беседы с горожанами он не вступал. Да и уличная кличка Диггер, прилипшая к нему у коллекторов, звучала для него куда привычнее, чем русское имя Олег Борисович, в которое туговатый на ухо сторож на первой зимовке переделал его настоящее прозвание Олгар, сын Бора.

К пяти вечера мороз окреп, и следственная группа начала сворачиваться. Простреленную машину ещё в обед утащили на буксире, эксперты погрузили свои ящики в фургон, а следом уехал один из УАЗиков.

У пролома в ограде оставили только одну патрульную машину с заведённым мотором. Двое молодых сержантов в тулупах забрались в тёплую кабину, курили в приоткрытую форточку и лениво поглядывали на огороженный лентой пустырь, дожидаясь конца смены.

Ждать дольше смысла не было. Олгар поправил на плечах потёртый кожаный плащ, надетый поверх тёмно-серого ватника, и без единого звука сошёл с насыпи в заснеженную бетонную канаву ливневого стока. Она тянулась низом по дну лога, в обход патрульной машины, и уводила под покосившуюся эстакаду к круглому жерлу заводского коллектора.

За спиной в мёрзлом бурьяне торопливо зашуршали валенки и послышалось тяжёлое стариковское сопение.

Степан не отстал. Весь день старик крутился поблизости, то и дело поправлял очки с треснувшей дужкой на покрасневшем от стужи лице и косился на заводские ворота с таким видом, словно чужие люди делили там без него хозяйское добро.

Олгар не стал оборачиваться, продолжая шагать по дну лотка. Здесь, в низине, куда из трубы под третьим цехом выбивался тёплый пар, утренний запах проступил совсем густо.

В Междумирье рабочее чутьё роющего брало след за несколько вёрст. За намертво запечатанной крышкой Земли всё обрезало в десятки раз.

Магию из этого мира выкачали до дна три тысячи лет назад, и собственный Горн в груди Олгара все эти годы едва теплился, согревая кровь да ладони. Нюх тоже притупился и работал теперь от силы шагов на пятьдесят, не дальше.

Шесть долгих зим охотник облазил каждую щель под городом, выжигая по углам мелкий накипной сор и слепых Тленей, которые сами собой заводились вокруг людского горя, пьяной злобы и случайных смертей. От той мелкой падали всегда несло одинаково, кислым погребом и горелой ветошью.

Сейчас из коллектора под цехом тянуло совсем иной гнилью. Сквозь привычную вонь ржавой воды и промёрзшего шлака пробивался сладковато-гнилой дух прелого зерна вперемешку со старой запёкшейся кровью.

Этот дух Олгар узнал бы даже через сотню лет. Так пах только двенадцатый беглец из Колодца. Первородный, из-за которого шесть лет назад охотник прыгнул в этот отрезанный от троп край без обратного хода. Все эти годы тварь пролежала на глубине без движения и без единого выдоха, ничем себя не выдавая, а минувшей ночью наверху пролилась большая кровь, и зверь наконец проснулся.

Под подошвами захрустел бурый наст замёрзшей наледи у самого входа в подземный канал. Свод бетонной трубы зиял впереди чёрной дырой, прикрытой наполовину вывернутой железной решёткой.

Олгар остановился у проржавевших прутьев, развернулся и широкой грудью перекрыл старику проход.

Кочан едва не ткнулся лбом в его ватник, проскользив стоптанными валенками по обледенелому лотку. От старика тянуло дешёвым табаком и сивушным теплом, потому что днём после сдачи меди он не утерпел и опрокинул за углом приёмки стопку для сугрева, и теперь за мутными стёклами очков беспокойно бегали покрасневшие глаза.

— Борисыч, да ты один там в потьмах шею свернёшь! — горячо зашептал Кочан, цепляясь замёрзшими пальцами в продранной рукавице за рукав его плаща. — Я ж на «Мехдетали» восемнадцать лет технологом оттрубил, с восьмидесятого до самого закрытия! Я под этими цехами каждый приямок помню… ну, почти каждый. Возьми в долю, мне много не надо!

Старик всё-таки вбил себе в голову, что ночная стрельба в корпусе случилась из-за того самого купеческого клада или ящиков с технической платиной, которые его молчаливый напарник якобы выискивал под землёй все пять лет их знакомства.

Олгар посмотрел сверху вниз на его жилистую стариковскую шею в облезлом овчинном воротнике и вспомнил главное правило Кодекса, заученное ещё в юности. Смертных из закрытого мира в охоту не втягивать. Для того, что проснулось внизу под этим заводом, шестидесятивосьмилетний человек с надорванным сердцем был даже не помехой, а просто лишним глотком тёплой крови на один укус.

— Там нет доли, Степан, — Олгар осторожно, чтобы ненароком не смять хрупкие старческие кости, но твёрдо снял его рукавицу со своего рукава. — И золота там нет.

— А чего ж там тогда? Из-за чего братва Лисовского ночью друг дружку покрошила?

— Из-за того, от чего тебе надо держаться за три версты. Иди в «Берлогу». Грейте чай с Профессором. Если к утру не вернусь, к заводу вообще не подходи.

Олгар чуть подался спиной в проём решётки, освобождая себе место для поворота. Кочан отступил на шаг, обиженно шмыгнул покрасневшим носом и заглянул мимо плеча товарища в тёмную пасть коллектора, откуда несло гнилой водой.

Под хмельком старик вдруг отчётливо увидел, как глубже в трубе, куда достало невидимое тепло Борисыча, с беззвучным треском сворачивается и осыпается серой золой чёрная накипная бахрома. Кочан невольно передёрнул плечами и спорить больше не решился.

— Да как же я не подойду-то… — пробормотал он в спину напарнику, когда Олгар боком протиснулся за отогнутые прутья.

Не отвечая, охотник шагнул в глубь канала, дождался, пока затихнет недовольное ворчание и шарканье валенок уходящего по канаве старика, и только после этого остановился.

За первым же изгибом трубы темнота сгустилась так, что собственная вытянутая рука пропала из виду. Свет от станционных прожекторов сюда не добивал. Под толстыми подошвами берцев чавкала незамерзающая ржавая жижа вперемешку с битым кирпичом, а впереди, где советская бетонная врезка переходила в вековую сводчатую кладку под фундаментом третьего цеха, размеренно капала грунтовая вода.

Олгар завёл правую полу ватника и плаща за устье ножен на поясе, освобождая костяную рукоять Вешки для быстрого хвата, и поднял левую кисть на уровень глаз.

Пришлось сделать глубокий вдох и с усилием раздуть тлеющие под рёбрами угли, чтобы выжать огонь наружу. В Междумирье или на островах Ильмарры по одному его желанию над ладонью взметнулся бы яркий факел в полруки высотой.

Здесь, под тяжестью выжженного мира, старые рунные шрамы на запястье лишь тускло налились краснотой изнутри, и на самых кончиках загрубевших пальцев с тихим потрескиванием зажглась маленькая рыжая искра, не ярче спичечного огонька.

Но для глаз роющего хватило и этой малости.

Олгар поднёс светящиеся пальцы к стыку бетонного кольца с каменной кладкой на уровне своего плеча и медленно повёл рукой вдоль стены.

Таких следов не могли оставить ни автоматные пули, ни воровские ломы. По сырому бетону и вывороченным из швов чугунным скобам спуска тянулись глубокие, в два пальца шириной борозды с оплавленными, почерневшими краями.

Минувшей ночью толстые, гибкие корни, распалённые пролитой наверху кровью, ударили снизу из старого ствола и распёрли каменную кладку, сминая железо на своём пути.

Обычная мелкая плесень осыпалась бы пеплом ещё в двух шагах от груди стража, но эта плотная, застывшая на камне смола Первородного держалась крепко. Лишь когда Олгар вплотную поднёс зажжённую на пальцах искру к краю рытвины, чёрная корка неохотно зашипела от прямого огня и пустила тонкую струйку вонючего сизого дыма.

Огонёк на ладони выхватил из темноты уходящий вниз, в провал демидовских выработок под цехом, жирный смоляной след.

Глава 3

Чем ниже Олгар спускался по выщербленным ступеням старого водоотлива, тем плотнее и неподвижнее делался воздух. Сквозняк из верхней ливневой трубы сюда уже не добивал.

На глубине восьми саженей под промёрзшей землёй стояла тишина заброшенной горной выработки, и только редкие холодные капли звонко били с потолка в камень.

Рыжая искра на кончиках пальцев левой руки освещала не больше двух шагов вокруг, выхватывая из темноты почерневшие от сырости брёвна крепи и грубо тёсанные стены верхнего яруса демидовской штольни.

Олгар шагал бесшумно, мягко ставя подошвы берцев на мокрый щебень, а правую ладонь держал у пояса, на открытой костяной рукояти Вешки.

Чёрный смоляной след, начавшийся наверху у бетонного стыка, уходил по боковому штреку под самый фундамент третьего механосборочного цеха.

Через пятьдесят шагов свод выработки поднялся выше, подходя к старой вертикальной шахте заводского стока, которая вела наверх, в подвальные приямки цеха. Нижний край кирпичного колодца был выворочен изнутри и завален свежими обломками гнилых досок и битого бетона.

Олгар остановился у края осыпи и поднял светящуюся кисть.

Именно там, наверху над этим колодцем, прошлой ночью гремели выстрелы. По ржавым чугунным трубам вертикального слива из пробитого подвала цеха до сих пор тянулись длинные бурые потёки спекшейся крови.

Внизу на каменном полу штольни, куда ночью обрушилась часть подвального настила, в густых бурых лужах валялись провалившиеся сверху автоматные гильзы, обрывки чьей-то дорогой куртки и раздавленная пластиковая трубка мобильника.

Самих тел у завала не было. Зато от осыпи по мокрому известняку тянулись широкие маслянистые полосы волока, уходящие к глубокой нише в дальней стене штрека.

Охотник медленно подошёл к нише, водя огоньком вдоль породы.

Шесть лет назад, в первую свою зиму в этом городе, он дважды проходил по соседнему штреку в двадцати шагах отсюда. Тогда эта выемка была доверху затянута серым ноздреватым наплывом, неотличимым от обычного уральского известняка. Ни запаха, ни тепла, ни малейшего отклика на пламя стража тот камень не давал.

Теперь каменный нарост в нише был разворочен изнутри, как огромная лопнувшая скорлупа.

Олгар присел на корточки у края пролома, снял правую ладонь с рукояти ножа и тронул пальцами холодную серую кромку внешней стенки. Окаменевшая, мёртвая Накипь.

На старых заброшенных тропах Междумирья внешняя демоническая шкура без притока силы точно так же каменела со временем и теряла всякую связь с живым колдовством.

Для чутья роющего такая застывшая корка ничем не отличалась от пустой горной породы. Именно поэтому Первородный шесть лет пролежал у него под самым носом, пережидая первые годы погони. Эта же серая каменная корка толстым бугристым пластом затянула весь правый угол стены рядом с нишей, плотно похоронив под собой старую заводскую кладку со всеми её прежними щелями и железками.

Зато внутри развороченного кокона всё дышало свежей гнилью.

Внутренние стенки лопнувшего каменного мешка блестели от густой чернильной слизи. Там, где до неё дотянулось невидимое тепло груди Олгара, верхняя плёнка на краю пролома тихо зашипела и подёрнулась сизой золой, но глубже внутри скорлупы всё ещё стоял тяжёлый, сладковатый пар прелого зерна и выпитой человеческой плоти.

На дне в липком месиве бугрились вдавленные в смолу останки семерых человек, вытянутые до костей и пустой кожи остовы в клочьях зимних курток.

Уличная молва у пивных ларьков про двадцать убитых, конечно, приврала втрое. Семерых взрослых мужиков, чья кровь вчера ночью потекла по сливной трубе вниз и разбудила спящего в известняке зверя, корни утащили через проломленный приямок подвала в эту нишу и выжали без остатка.

Олгар медленно выпрямился и с досадой сжал челюсти.

Шесть лет он рассчитывал на главное преимущество охотника. Пробой каменной печати закрытого мира отнимает у любого беглеца почти все силы, и в первые недели после падения даже Первородного можно было бы взять одним ударом.

Но Сеятель не стал рыскать по поверхности. Он замуровал себя в мёртвой скорлупе под брошенным заводом, отлежался шесть зим, а минувшей ночью досыта наелся свежей убойной крови и горячего предсмертного ужаса семерых человек.

Теперь демон был полон сил, как в день побега из Колодца. А сам Олгар за эти шесть лет в пустом мире растратил свой Горн почти до последних углей.

Широкий след разбухшего после кормёжки тела вёл от пустой скорлупы дальше в глубь яруса, к старому водосборному колодцу в самом низком углу выработки.

У горняков такие колодцы для сбора и отвода подземных вод во всех мирах звались одинаково. Зумпф. Когда-то демидовские рудокопы вырубили эту квадратную каменную яму, чтобы грунтовая вода не заливала штрек, а в советские годы заводские рабочие укрепили верхний край бетонным кольцом.

Олгар подошёл к срубу колодца и посветил вниз.

Воды в зумпфе не оказалось. Каменная плита на дне колодца была проломлена страшной тяжестью сверху. Из развороченного дна под крутым углом уходил вниз, в коренную породу, новый широкий лаз, которого не могло быть ни на одной заводской или рудничной схеме. Оттуда, с глубины ещё двадцати с лишним метров, из-под самой подошвы горы, тянуло густым теплом и утробным запахом живого Гнезда.

Печать. Тварь пробила себе прямой ход вниз, на самую рунную крышку запечатанной земной Жилы.

Олгар перешагнул через обломанный край бетонного кольца, опёрся правой ладонью о каменный борт и, упираясь подошвами берцев в скользкие выступы породы, начал осторожно спускаться в пробитую шахту, подсвечивая себе пальцами левой руки.

Пройти удалось всего сажень с небольшим.

В трёх метрах ниже дна зумпфа наклонный ход перекрывала сплошная шевелящаяся стена. Десятки чёрных, бугристых корней толщиной в хорошее сосновое бревно переплелись между собой, распирая каменные стены лаза. Они медленно перекатывались под тусклой корой, набухшие от выпитой ночью крови, и закрывали спуск к нижней камере плотнее любой железной клети.

Олгар спустился до самой преграды. Когда край его невидимого двухметрового круга тепла коснулся верхнего сплетения, ближайший корень злобно зашипел, пустил едкую струйку дыма и на пол-локтя втянулся вглубь, убираясь из-под жара стража.

Но дальше за ним в темноту уходили десятки метров такой же живой, напитанной силой чащи. Обычного тепла груди на такую толщу не хватало, оно лишь слегка подпаливало верхнюю кору. Чтобы пробиться сквозь эту живую запруду вниз, пришлось бы жечь корни открытым пламенем ладоней, шаг за шагом выжигая себе дорогу.

Олгар остановился на узком каменном уступе и вытянул из ножен Вешку.

Знаки, прорезанные вдоль матового чёрного обуха и широкого лезвия, отозвались на близость Первородного. Только вместо яростного багрового огня, каким клинок горел на ост-

ровах Ильмарры, руны сейчас едва теплились тусклым, неровным рыжим светом, меньше чем вполовину прежней яркости.

— Не возьмёт, — тихо проговорил Олгар в сырую темень лаза, обращаясь к памяти погибшего наставника. — Слышишь, Хальвар? Чтобы прожечь этот ход, я выжгу из груди всё до капли. И выйду к нему голым, с холодным железом в руке. Он только этого и ждёт.

Корни под сапогами тяжело шуршали о камень, переваливаясь с боку на бок, словно соглашались с его расчётом. Первородный нарочно законопатил за собой единственную прямую дыру, приглашая упрямого рудокопа потратить последний остаток Горна на бесполезную рубку живой стены.

— Значит, в лоб не пойдём, — Олгар убрал потемневший клинок обратно в ножны у пояса. — У каждого из двенадцати был свой замок. Будет и у тебя.

Времени до самой тёмной и студёной январской ночи, когда старые печати во всех мирах слабеют перед зимним поворотом, оставалось чуть больше пяти недель. За эти тридцать восемь дней нужно было найти другой, обходной подход к нижней камере и придумать, чем обессилить разжиревшую тварь без траты собственного огня.

Погасив искру на загрубевших пальцах левой руки, Олгар начал подниматься по скользким уступам обратно в зумпф.

***

Глубоко внизу, под сорокаметровой толщей гранита и сплетённых в живой свод корней, на холодной поверхности древней рунной плиты стояла тишина.

Шаргат, которого сторожа Колодца прозвали Сеятелем, лежал брюхом на шершавых бороздах тёсаного камня и десятками слепых отростков слушал гору над собой.

Он слышал, как наверху, у брошенной каменной скорлупы, тяжело и размеренно ступают знакомые шаги. Чуял сквозь породу горький печной дух чужого Горна, который шесть зим кружил по верхним трубам этого мёртвого города, не догадываясь заглянуть под серую корку известняка.

Густая, горячая кровь семерых двуногих, выпитая прошлой ночью, приятно распирала разросшиеся жилы, а оставленный дозревать в подвале подранок только что поднялся на ноги и поволок в своей груди проросшее зерно наружу.

Семь мелких укусов, которые три тысячи лет назад нанесли Шаргату семеро первых охотников, чтобы загнать его в ошейник на этой самой плите, давно затянулись. Теперь он сам лежал на замке, за которым в глубине ворочалась и низко гудела придавленная крышкой земная Жила. Пробить собственную тюрьму когтями он не мог, потому что руны древних держали его плоть крепко.

Но ему и не требовалось ломать камень самому.

Наверху, у края водосборного колодца, постоял и повернул обратно тот, кто пришёл за ним из Междумирья.

Не опоздал рудокоп. Даже слишком рано прибежал на запах первой крови. Огонь в его груди всё ещё кусался, жёг верхние побеги, не давая подпустить человека к самой плите. Если страж полезет напролом сейчас, он издохнет в корнях на полпути и не доползёт до камня.

Ничего. Торопиться Первородному было некуда.

До самой слабой ночи в году, когда зимняя стужа скуёт верхние воды и старая печать под брюхом истончится до предела, караул на бледном небе этого мира сменится ещё тридцать восемь раз. За эти недели его новые дети наверху соберут богатую жатву. Охотник будет метаться по мёрзлым улицам, спасать чужих однодневок и жечь свой драгоценный огонь по крупице.

А к последнему часу жар в его груди выгорит до самого донышка, память сотрётся, и тогда обезумевший от отчаяния страж сам спустится на плиту и собственными руками повернёт в замке свой маленький, бережно хранимый ключ.

***

Поднявшись по выщербленным ступеням водоотлива обратно к верхнему кольцу, Олгар свернул в узкую смотровую галерею теплового узла и выбрался наружу через пролом в цоколе третьего цеха.

Ночной мороз сразу прихватил влажные полы плаща. Патрульного УАЗика у дальней поваленной секции забора уже не было, сержанты уехали греться в отдел, бросив на ветру оборванный кусок полосатой ленты. Над пустырём порошил редкий мелкий снег, присыпая дневные следы полицейских ботинок.

Олгар шагнул с разбитой бетонной отмостки на открытый воздух и резко остановился, опустив взгляд себе под ноги.

Поверх свежей вечерней пороши, которой не было ещё час назад, когда он спускался со Степаном в ливневый лоток, у стены цеха отпечатались чужие следы.

Они тянулись из низкого подвального продуха за кучей битого кирпича, куда днём не догадались заглянуть полицейские. У самого лаза в снегу валялись сброшенные модные кроссовки с меховой подкладкой и ком окровавленного бинта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.